

Knowledge is power" (F. Bacon)

ЗНАНИЕ- СИЛА 5/91

ЗНАНИЕ — СИЛА 5/91

Ежемесячный
научно-популярный
и научно-художественный
журнал для молодежи

Учредители —
Всесоюзное
общество «Знание»
и трудовой коллектив
редакции

№ 5 (767)
Издается с 1926 года

Главный редактор
Г. А. Зеленко

Редколлегия:

Л. И. Абалкин
А. П. Владиславлев
Б. В. Гнеденко
Г. А. Заварзин
В. С. Зуев
Р. С. Карпинская
П. Н. Кропоткин
А. А. Леонович
(зам. главного
редактора)
Н. Н. Моисеев
В. П. Смилга
Н. С. Филиппова
К. В. Фролов
В. А. Царев
Т. П. Чеховская
(ответственный
секретарь)
Н. В. Шебалин
В. Л. Янин

На обложке:
Ю. Васильев — *MON*.
«Борьба миров»,
1966 год.
(Читайте статью
Н. Тамручи)

А
УЧЕНЫЕ ОБСУЖДАЮТ

Начало напрашивается классическое: «Гости съез-
жались на дачу...»

Дачей стал один из подмосковных пансионатов в
населенном пункте с милым названием Вербилки. Гости-
ми были около ста психологов, съехавшихся отовсю-
ду на очередную школу-семинар молодых ученых с
неочередным, невозможным ранее названием «Психо-
логические аспекты социальных проблем».

Осталось обозначить время действия — декабрь
1987 года.

Д. Леонтьев,
кандидат
психологических
наук

Алиби

Столько воды утекло с
тех пор! Даже многие
социальные проблемы
стали совсем другими. И
не стоило бы, пожалуй,
сейчас вспоминать о шко-
ле в Вербилках, не ока-
жись она поводом и от-
правной точкой для моих
многомесячных размыш-
лений о... Вот уже за-
пнулся, пытаюсь опреде-
лить, о чем, собственно,
будет этот очерк.

Нет, это не очередная научно-популярная
статья о самой и без того популярной
науке и не очередное напоминание, что пси-
холог — друг человека, хотя по количеству
этих друзей на душу населения мы отстаем
от развитых стран раз в пятнадцать —
двадцать. Буду считать, что это, в общем,
известно читателям журнала, уделяющего
психологии достаточно почетное место на
своих страницах. Пожалуй, точнее всего бы-
ло бы обозначить предмет моих размышле-
ний как взаимоотношения психологической
науки и общества, которые сегодня уже вряд
ли могут оставаться такими, какими они
были вчера и позавчера, а завтра — тем
более. И именно на школе в Вербилках
для меня, как и для целого ряда моих
коллег, всплыл с особой остротой сакрамен-
тальный вопрос, висевший, как известно,
в кабинете заведующего отделом Смысла
жизни Кристофа Хозевича Хуиты, —
«Нужны ли мы нам?»

Сегодня и вчера.

Организаторы школы в Вербилках пригласи-
ли к себе в качестве лекторов не генера-
лов от психологии, как бывало всегда,
а представителей других наук и не совсем
наук — экономики, этнографии, юриспру-
денции, литературной критики и других.
Единственным почетным гостем из «своих»
была Галина Михайловна Андреева, профес-
сор, заведующая кафедрой социальной пси-
хологии МГУ, которой было доверено от-
крыть работу школы-семинара, что она и
сделала с присущим ей блеском и остро-
умием. Она говорила в своем небольшом
вступительном слове о странном, пара-
доксальном положении психологии, в част-
ности социальной психологии, а ряду других
наук. С одной стороны, во всех библиотеч-
ных и книгоиздательских классификациях

А
в СССР (за рубежом дело обстоит иначе) психология числится среди общественных наук, с другой же стороны, традиционная номенклатура общественных наук ограничивается четырьмя — историей КПСС, философией, политэкономией и научным коммунизмом. Сейчас у представителей общественных наук спрашивают: где вы были, когда наше общество доводило до такого состояния? Социальные психологи, когда до них доносится этот вопрос, пожимают плечами и отвечают: мы тут ни при чем, мы обществом не занимались, мы занимались своей психологией. У нас алиби.

Как известно, алиби — юридический термин, обозначающий доказательство того, что обвиняемый в момент преступления находился в другом месте. Итак, где же находились психологи все то время, про которое мы сейчас вспоминаем, говорим и пишем, стараясь отряхнуть с наших ног его крепко приставший прах?

Социальная история советской психологии уже была предметом пристального анализа на страницах журнала (1988 год, № 1), и попытка ее реконструкции не входит в мою задачу (лучшим на сегодняшний день, хоть и небесспорным, изложением этой социальной истории остается книга, советскому читателю малодоступная, — книга Алекса Козулина «Психология в утопии», вышедшая на английском языке в Бостоне в 1984 году). Не надо быть специалистом, чтобы понять, что наука о душе никому не была нужна в эпоху людей «винтиков», когда незаменимых людей не было, за исключением одного, когда счет запланированным людским жертвам для достижения имперских целей шел на миллионы. До души ли тут!

Душа изгонялась отовсюду, в том числе из науки. А изгонять было что. Наверное, даже не все психологи знают, что в самом начале тридцатых годов у нас издавалось столько же журналов по психологии, сколько сейчас! (Причем этот «довоенный уровень» тридцатого года был восстановлен только в восьмидесятом.) В середине тридцатых этих журналов уже не существовало. Тогда же, в 1936 году, вышло печальной известности постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов», нанесшее сильный удар по всей отечественной психологии. Вообще-то можно сказать, что психологам в определенном смысле «повезло»: все звезды первой величины, лидеры творческой психологической мысли двадцатых — начала тридцатых годов (я имею в виду прежде всего таких ученых, как М. Я. Басов, П. П. Блонский и Л. С. Выготский) успели умереть своей смертью до начала массовых репрессий конца тридцатых годов.

Действительно, в период тридцатых — пятидесятых годов вынужденное алиби психологов, их полная изоляция от общественной жизни бесспорны. Психология становится отраслью «педагогических наук», и чуть

ли не единственное, чем ей приходится заниматься, это, во-первых, развитие ребенка, воспитание и обучение и, во-вторых, клинико-психологические исследования и разработка методов реабилитации людей, страдающих травматическими поражениями мозга, и затем уже — психическими заболеваниями.

Психология личности, расцвет которой на Западе начался в конце тридцатых годов, у нас не существовала до конца шестидесятых. Тогда же в нашем обиходе появилась и социальная психология — психология групп и коллективов, имеющая еще более солидную историю в прошлом и сфере практического применения в настоящем. Разумеется, не у нас, а там, где она развивалась. Табу на анализ реальных социальных проблем, ненужность личности и обрыв естественных связей с мировой наукой привели отечественную психологию к тому, к чему она не могла не прийти и в чем ее сейчас обвиняют все, кому не лень, — к оторванности от практики, к идеологической ангажированности и к мелкотемью в области коинкретных исследований. Среди психологов получили хождение два метких афоризма: «Советская социальная психология — самая социальная психология в мире!» и «Советская общая психология — самая общая психология в мире!».

Но вернемся к нашим молодым ученым. Личное

Лекторы, специалисты по социальным проблемам, аудиторию не жалели. Всем становилось не по себе от четкого анализа, жестких диагнозов и безрадостных прогнозов, звучавших из уст Василия Илларионовича Селюнина, Ларисы Ивановны Пияшевой, Александра Максимовича Яковлева (сейчас уже все эти люди не нуждаются в представлении). После их лекций мы все буквально расползались, придавленные всей тяжестью обрушенных на нас социальных проблем, ощущали себя букашками, пылью на колесах безжалостной истории.

Но после лекций обычно был обед. А после обеда все расходилось по небольшим помещениям, в которых мастера своего дела демонстрировали группам менее опытных коллег различные варианты техники психологической помощи.

Здесь не обойтись без маленького отступления. Надо сказать, что за последнее десятилетие сформировалась когорта психологов-практиков, которые довели свой опыт практической консультативной и психотерапевтической помощи больным или здоровым людям с теми или иными трудноразрешимыми личными проблемами до уровня высокого искусства. Другой вопрос, как им это удалось — на голом энтузиазме, в условиях затрудненности контактов, изолированности от зарубежного опыта, крайней разобщенности психологов-практиков в нашей стране, отсутствия (почти полного) методической литературы, равно как и возможности для публикации своих собственных ра-